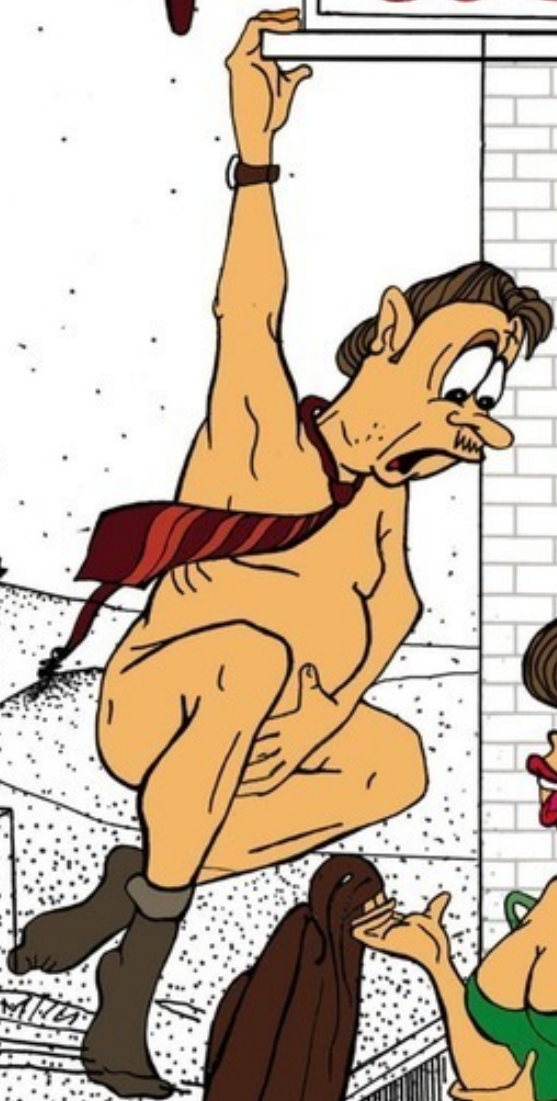
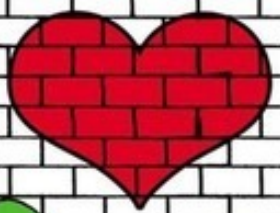

Б. Дрозд

**ЛЮБОВНЫЕ
КАЗЫ**
ШАНСЫ

Борис Дрозд

Любовные проказы и шалости

«Издательские решения»

Дрозд Б. Д.

Любовные проказы и шалости / Б. Д. Дрозд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932043-8

Название книги говорит само за себя. Это — сборник юмористических рассказов о любовных похождениях и приключениях героев и героинь, разные казусные, смешные случаи и события, в которые попадают герои этой книги — любовники и любовницы, — невероятные истории, которые случаются с героями. Читается увлекательно. География — от Москвы до Дальнего Востока. Спектр героев — самый широкий. Основная тема — смех+смех и еще раз смех. Жанр и направление — развлечение.

ISBN 978-5-44-932043-8

© Дрозд Б. Д.
© Издательские решения

Содержание

Скверный анегдот	6
Пригрели!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Любовные проказы и шалости

Борис Дмитриевич Дрозд

© Борис Дмитриевич Дрозд, 2018

ISBN 978-5-4493-2043-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скверный анегдот Месть оскорбленной жены

Андрей Жмакин, прораб одной московской строительной компании, притащился домой ночью к себе в Бирюлево из вертепа, где провел с друзьями вечер у проституток. В стельку пьяный Жмакин поднимался пешком на свой двенадцатый этаж, шатаясь от стены к стене, отдыхая на лестничных площадках и кляня последними словами жилищников из-за сломавшегося лифта. Как бы ни был Жмакин пьян, но он вспомнил об утаенных от жены деньгах – десяти тысячах рублей премии, которую он получил за сдачу объекта, будучи начальником строительного участка. Поднявшись наконец-то на свой этаж, дыша, как рыба, выброшенная на берег и ощущая биение рвавшегося на части сердца, Жмакин остановился перед своей 161-й квартирой и перед тем, как отпереть дверь, достал оставшиеся деньги из кармана пиджака, пересчитал их и ужаснулся – осталось всего тысяча семьсот рублей скомканных бумажек – остатки от загульного набега на проститутский вертеп. Совесть его шевельнулась. «И это все? М-да! Слава богу, что хоть эти еще уцелели! Надо бы хоть немного денег в семью принести, нехорошо все-таки», – подумал он.

И он переложил деньги из кармана пиджака в карман брюк – поближе, чтобы сразу же отдать их жене все до последней копейки. Но как объяснить ей происхождение денег? «А-а, скажу ей, будто в бильярд выиграл. С друзьями, мол, до полуночи в бильярд играли», – подумал довольный Жмакин.

Однако через минуту он вдруг передумал. Семья семьей, подумал он, а заначка все же должна быть. Без нее же никак нельзя. Даже пива, как следует, не попьешь, не то, что к проститутке сбежать.

И он, несмотря на непослушные пальцы, скатал единственную оставшуюся тысячерублевую купюру в трубочку и вставил в сигаретную пачку любимого им «Бонда» – она в аккурат вошла вместо сигареты. А оставшиеся деньги решил отдать жене.

Открыв дверь своим ключом, он долго нашаривал на стене выключатель, зажег свет, и тут, потеряв равновесие, покачнулся и уронил висевший на стене цветочный горшок, который с грохотом упал на пол и разбился. «Вот жалость-то какая!» – подумал он. – Ох, не к добру... не к добру это!»

В комнате справа от входной двери послышался скрип кровати и шорохи. Наверное, это проснулась жена. И точно – она вышла в прихожую, завязывая на ходу пояс желтого махрового халата. В это время Жмакин, опершись о стену спиной и пытаясь с ее помощью сохранить устойчивое положение, подняв ногу, развязывал шнурок туфли.

«Скотина, опять нализался! – подумала жена.

– Ты где был? – сердито спросила она.

– Мариночка... я сегодня никакой, – вымолвил Жмакин. – Ты меня, пожалуйста, сейчас не пытай, я утром тебе все расскажу... Все-все! А теперь я хочу баиньки...

– Ты где был, спрашиваю? – погрознела жена в голосе.

– Ну, понимаешь, забурились с друзьями в бильярдную после работы... и... до самой ночи... Обо всем позабыли... что уже ночь, там же нет окон, Марьян, дневного света, то есть... Окна задрап... – Тут Жмакин икнул. – То есть задрапированы. Или нет... задрапир... – Жмакин снова икнул. – Ну, темно, то есть... Так увлеклись, что позабыли обо всем на свете!

– С какими еще друзьями?

– Ну что ты, Марьянка, как маленькая!. Какие у меня еще могут быть друзья? С Васькиным да с Авдеевым, с кем же еще... Сегодня же пятница, мамочка, разве ты забыла? Конец недели, святой мужской день...

– Скотина – вот ты кто! Являешься за полночь пьяным и еще сказочки мне рассказываешь!

– Ну почему сразу скотина? – возмутился Жмакин. – Как чуть что – так сразу с... – Жмакин опять икнул. – Скотина... Пятница же... Разок-то в неделю можно расслабиться, отвлечься от семьи, от работы, от заботы, а то голова кругом идет от этих нарядов да разнарядов, отчетов да расчетов, с ума же можно сойти...

С минуту-другую жена наблюдала за тем, как благоверный, все так же навалившись спиной на стену, все еще не может справиться с туфлей, верней со шнурком, пытаясь развязать затянувшийся узел.

– Марьян, а я, между прочим, семьсот рублей в бильярд выиграл... Вот... в к... – Жмакин снова икнул. – В кармане лежат... Да помоги мне шнурок развязать!

И тут, наклонившись сильнее, Жмакин вдруг навзничь рухнул на пол. Его организм, почувствовав горизонтальное положение, вероятно, принял это как сигнал к отбою и тотчас же свернул все свои двигательные функции. И сознание Жмакина тоже отключилось, и он больше и не говорил и не шевелился.

«Сволочь! – разозлился жена. – Ну, и сволочь же! Что делать? Ну, что делать с этим окаянным? И эти дружки его – все как один, негодяи и пьяницы!»

Она подошла к лежащему на полу мужу и с ненавистью изо всех сил ущипнула его за нос. Но благоверный даже ухом не повел. «Так бы нос у гада и откусила! – злилась женщина. – Проучить бы его как-нибудь, отомстить за все его похождения, за эти его пьянки-гулянки, за все мои муки, за мои бессонные ночи...» – думала она.

Но как отомстить?

«Вытащить его за порог, на лестничную площадку, пусть там валяется... Пусть проснется там на холодном бетоне... Будет знать, как в следующий раз пить с дружками... Впрочем, нет, там он, пожалуй простудится, хлопот потом не оберешься, да и пожалуй, разденут его», – соображала женщина.

И ничего подходящего не приходило ей в голову. «Черт с тобой, валяйся в прихожей до утра, буду я еще с тобой цацкаться», – решила она.

И, погасив свет, пошла спать.

Но не успела она лечь, как в голову ей пришла мысль о том, что если проснется среди ночи дочь, семилетняя Лидочка, пойдет в уборную и увидит в прихожей лежащего отца... пожалуй, испугается еще... Да и если эта скотина до утра не очухается, нехорошо будет, если Лидочка увидит спящего на полу отца... Она-то ведь думает, что отец у нее допоздна, а то и по ночам работает – в три, как он говорит, смены...

Пришлось ей встать, раскинуть стоявший в зале диван, бросить туда одну подушку. Затем она пошла в прихожую и включила свет.

Благоверный дрых без задних ног. С невероятным трудом, ухватив мужа под мышки, перетасила она его обмякшее тело до дивана, затем, опустившись на колени и поднатужившись, закатила мужнино тело на диван, как бревно. Подсунула под голову подушку.

«Скотина! Ну, ты у меня завтра получишь!.. А про какие это семьсот рублей он говорил? Мол, выиграл в бильярд... Врет, наверное...» – вспомнилось вдруг ей.

Она залезла мужу в карман брюк – ничего, только пачка сигарет «Бонд». Она затолкала ее обратно. Перевернула мужа на другой бок и залезла в другой карман и выгребла оттуда деньги. Расправила купюры, пересчитала – точно семьсот рублей, значит, не соврал муженек, правду сказал.

Она сунула деньги в карман халата и тут взгляд ее упал на мужнины туфли, которые лежали прямехонько на новеньком пледе. «Туфли-то мерзавцу надо бы снять с ног, ведь будет ворочать с боку на бок и перепачкает плед грязной обувью, не иначе», – подумала она.

И она один за другим стянула с него туфли, не расшнуровывая обуви. И теперь ей уже стало жаль его новенького пиджака, который, пожалуй, сомнется и вид потеряет, и его потом не отгладишь, и стало жаль мужниных брюк, которые тоже сомнутся, и ей же придется их гладить...

И как ни была она зла, как бы ни негодовала на мужа, бережливость и практичность взяли верх над злостью. Одежда-то ни при чем, она денег стоит, ее беречь надо, – решила она.

И женщина отнесла мужнины туфли в прихожую, поставила на резиновый коврик у дверей, вернулась в спальную и стала раздевать мужа. Приподняв его тело и ворочая его с боку на бок, стала стаскивать с него пиджак. Тут муж на секунду проснулся, с усилием держа голову на весу, открыл глаза и пробормотал: «Марьянка, ты что? ты не кантуй меня, пожалста, я ж в ауте...».

– Молчи уж, змей проклятый! – в сердцах проговорила женщина.

Но голова мужа уже обмякла и отвалилась назад. «Голым бы тебя на мороз, чтоб ты знал, проклятуший!» – сетовала женщина, борясь с его тяжелым телом.

Справившись с пиджаком и повесив его на спинку стула, она принялась за брюки – расстегнула ремень и замок-молнию на ширинке, ухватилась обеими руками за пояс и стала тянуть брюки вниз, выворачивая их наизнанку вместе с плавками.

И тут что-то выпало из внутренностей мужниной одежды, какой-то комочек. Кажется, выпал из его плавков. Недоумевая, женщина бросила его брюки и плавки на спинку стула и подняла этот комочек с пола, который на ощупь был мокрым. Вышла с ним в прихожую, на свет и... обомлела!

Комочек оказался использованным презервативом.

Марина с отвращением отшвырнула его от себя, судорожно передернула плечами и побежала в ванную мыть руки, дрожа от ужаса и отвращения. Но затем вернулась, подобрала резинку и бросила ее в помойное ведро.

«Так вот в какой ты бильярдной был! – с гневом думала супружница, отмывая руки под умывальником. – Мерзавец! Негодяй! Ох, и мерзавец же! На бабе был и даже презерватив не удосужился с себя снять и выбросить!»

Ей захотелось тотчас же будить мужа, бить его в гневе по щекам или бить его скакалкой, Лидочкиной скакалкой; хотелось засунуть этот гадкий презерватив ему в рот, чтоб он захлебнулся своей спермой, или засунуть ему в задницу...

Но гнев ее мало-помалу улегся, и будить его она передумала. Что толку? – только шум сейчас поднимешь и ребенка разбудишь.

По обыкновению всех жен, действующих в чрезвычайных обстоятельствах, коими были столь явные улики мужниной неверности... и, скорее всего, неверности давней, она стала обыскивать его одежду. И сразу же – о, ужас – новая улика! В заднем кармане брюк она нашла неиспользованный запечатанный презерватив.

«Та-ак! Понятно всё, чем ты занимаешься, мой миленький! Понятно мне всё и про твою ночную, третью смену!»

Она сунула презерватив в карман халата. Затем стала обыскивать накладные карманы пиджака – ничего не нашла, ключи какие-то. Вот этот от их квартиры... а этот неизвестно чей... И она сунула его у карман халата, как еще одну улику.

А когда она стала обшаривать внутренние карманы пиджака, ее ждал еще один неприятный сюрприз. Она вытащила оттуда какой-то конверт с жирным штемпелем его фирмы «Строительная компания «Адмира» с надписью: Жмакин Андрей Николаевич – 10000 рублей.

Повертела конверт в руках, соображая. «Деньги ему на работе дали за что-то, – догадалась она. – Премию, наверное, выдали, а он от меня утаил... Вот мерзавец! Пропил деньги, прогулял с бабами и с дружками, а домой от десяти тысяч всего семьсот рублей принес, кото-

рые якобы в бильярд выиграл... Ну, погоди, ты у меня, я тебя научу семейной жизни, я тебя от твоих загульных холостяцких привычек отучу! Я тебя от дружков отважу!»

Осененная жаждой мести и желая хоть как-то досадить мужу или проучить его, женщина стала обдумывать план мести. Тут из кармана халата она достала новенький презерватив, который до этого она мяла нервно пальцами. «Надутый бы его, как шарик, а на шарике нацарапать „Привет тебе от всех любовниц!“ Или: „С приветом, Катя!“ – и привязать шарик к его руке? Утром проснется – ошалееет, а я посмеюсь».

Но это показалось ей неубедительным, вернее, недейственным. Ей хотелось позлить его, досадить ему, заставить его страдать, посмеяться над ним, как он, наверное, смеялся над ней, изменяя ей со своими любовницами.

И тут, словно бы с той же неизбежностью, с какой распутывается клубочек, ниточка за ниточкой, так и ее мысль шла по следам найденных улик. Ей вдруг пришло в голову соображение о том, что если у него есть любовница, то не спит же он с нею, пользуясь презервативом. Это ведь факт. Это было бы обидно для женщины да и... Значит, он был в каком-то грязном месте, спал с какой-то случайной или грязной девкой и притащил, не дай бог, заразу в дом, собиравшись лечь в постель, даже не побывав в ванной! Ну, мерзавец!

Ее гневу и обиде не было предела, и жажда возмездия сверлила мозг.

Тут муженек, лежавший голеньким на диване, всхрапнул во сне и перевернулся на бок, задницей к ней. «Храпишь, негодяй! Невинным прикидывался, бильярдист чертов! Наверное, каждую пятницу к девкам таскался, деньги прогуливал, от семьи утаенные! Засунуть бы тебе эту грязную штуку прямо в задницу!»

И тут ее осенило. «А что? Пусть знает, мерзавец этакий... Он того заслуживает!»

С решимостью обиженной и оскорбленной женщины Марина пошла в ванную комнату, надела перчатки, в которых делала уборку в квартире, достала грязный комочек из помойного ведра, обильно смазала его вазелином и вернулась в спальную. «Вот тебе, будешь знать, как жену обманывать и деньги семейные на девок транжирить!»

И, раздвинув мужу ягодицы, затолкала комочек поглубже в заднее место. А затем накрыла спящего мужа покрывалом, чтобы утром дочь, случайно войдя к ним, не увидела отца, лежащего голым.

Совершив все это, женщина подумала-подумала и решила вернуть все найденные ею улики на прежнее место, то есть в карманы одежды мужа.

Утром она проснулась пораньше, приготовила завтрак, отправила дочь в школу – муж все еще спал, хотя шел уже десятый час. Она терпеливо ждала, перелистывая модный журнал.

Часов в десять послышались из спальни тяжкие вздохи. Она решила, что, наверное, муж уже проснулся, налила кефиру в стакан и понесла в спальную.

Жмакин проснулся на диване с ощущением конца света и полным провалом в памяти. Морщась от головной боли и жажды во рту, он несколько минут мучительно вспоминал вчерашний день, вернее, вечер. Помнил только, что с приятелями забурились после пивного бара, где отмечались премию, на квартиру к проституткам. Номер телефона наугад выбрали в газете, позвонили, к ним приехали сутенеры на авто и отвезли всех троих на квартиру. А что было дальше – ничего не помнил. Какой-то круговорот женских лиц и, кажется, даже мужских. Женские лица были, кажется на квартире у проституток, а мужские? Ничего не вспоминалось про рабу, даже лица ни у одной женщины не запомнил. Даже в каком районе были и как до дома добирался обратно и куда девались друзья, не помнил.

И тут вошла жена со стаканом в руке.

– Проснулся? Выпей, миленький, наверное, у тебя голова болит, – проговорила она весело.

Жмакин ошалел от такого утреннего настроения жены, которая вместо разборок еще и улыбается ему и опохмелку несет (а опохмелялся он только кефиром, спиртное он на другой же день ненавидел). Он сел на диване, свесив ноги, и залпом осушил стакан.

– О-ох! – выдохнул он, выпучив глаза от удовольствия. – В глаза бы эту заразу больше не видел!

– Еще? – Жена держала пакет с кефиром в руках.

– О, как ты меня ублажаешь, золушка ты моя! – расчувствовался Жмакин, целуя ей руку. И залпом осушил второй стакан.

– Мойся сейчас, брейся и завтракать будем, – проговорила жена таким же веселым голосом.

От золушкиного поведения жены Жмакин вдруг вспомнил о дочери и воспылал отцовскими чувствами.

– А где Лидочка?

– В школе, где же ей еще быть...

– Надо бы с ней сегодня в зоопарк сходить... Давно уже обещал...

– Да, конечно же надо бы... Вот и сходи...

И ушла на кухню. И – ни слова упрека, ни надутости, ни молчания – этого самого зверского и мучительного супружеского наказания. Жмакин натянул плавки и мигом помчался в ванную комнату.

Он с удовольствием мылся в душе и с еще большим удовольствием брился тут же, под душем, подставляя лицо текущим струям воды и, как воображалось ему, смывая с себя всю вчерашнюю грязь. «М-да, прогулял деньги – нехорошо, ох, нехорошо! А было ли удовольствие – ей-богу, не помню, хоть убей сейчас!.. Но Маринка-то, Маринка-то какова! Не жена, а золото, клад, да я горы для нее теперь сворочу! По крайней мере, гулять теперь брошу точно. И пить тоже брошу», – радостно и счастливо думал он.

Правда, подумав о том, что гулять и пить он бросит, Жмакин тут же прикусил губу. Пожалуй, до следующей пятницы и пить и гулять он точно бросит, а в пятницу он еще подумает, решил Жмакин.

Побрившись и сложив бритвенные принадлежности на полочку, Жмакин обмыл тщательно и любовно свое мужское достоинство, тщательно промыл волосы на лобке, еще раз намылил губку, а затем, расставив ноги пошире и немного наклонившись вперед, стал намыливать себе задницу, область промежности, напевая про себя веселый мотивчик.

И вдруг что-то выпало из него, какой-то комочек, прямо ему под ноги. Ему показалось сначала, что отвалился краешек износившейся губки. Жмакин поднял комочек с дна ванной и... не поверил своим глазам – это был использованный презерватив. Это был его презерватив, вчерашний, с усиками на головке! Вернее, точно такой же!

«Откуда он взялся? С неба, что ли, свалился?» – с недоумением и даже с некоторым страхом подумал загульный прораб.

Он закрыл краны, остановил потоки воды и поднял голову вверх, словно бы и в самом деле, презерватив мог свалиться ему под ноги с неба. Насухо вытерев руки полотенцем, Жмакин еще раз взял презерватив в руки и стал его тщательно исследовать, то растягивая резинку, то сжимая ее.

Было ясно только одно – презерватив носил на себе следы чего-то жирного. Вода стекала с него, как с кожи, намазанной гусиным салом. И даже на ощупь он был жирный. Явно он был намазан чем-то жирным и скользким перед употреблением. А кто его употребил? Кто ему туда его засунул, да так, что он там и остался?

Жмакин чуть не взвыл от мысли, что это вообще могло случиться... нет, что это уже случилось! Ведь сомнений быть не могло – презерватив вывалился из его задницы. Больше ему неоткуда было вывалиться. Значит... значит, кто-то там, в борделе, или еще где-нибудь

его, пьяного поймел в задницу, пока он был мертвецки пьян? «А я-то еще с утра чувствую, что у меня там что-то не то... не так, как будто мне там что-то расковыряли, что-то как бы жжет... – с ужасом думал Жмакин. – Но где? Где же мы были? И кто эта сволочь? У-у! А-а! —втихомолку выл он, чтобы не слышала жена.

Мысль о том, что он так опростоволосился, напился до того, что позволил себя опустить, и теперь... теперь он опозорен, что он уже не мужик, а педик – из той, яростно ненавидимой им касты голубых!

Ему вспомнилась чья-то мужская рожа на какой-то квартире, ухмыляющаяся, наглая, и он почти вскричал от ярости.

– Ты чего там, милый? – услышал он голос жены, и она постучала в дверь. – Что-нибудь случилось?

– Ничего, все нормально, просто обжегся горячей водой, – с усилием выговорил в ответ Жмакин...

«Кто бы это мог быть? Ну, в борделе же вроде бы мужиков не было... – все думал он. – Господи, все перепутались в башке! Кажется мы еще где-то были, кажется, не в одной квартире... А вот где были, не помню, убей, не помню!.. А может, это девки в борделе надо мной поиздевались оттого, что я раньше времени выпал из обоймы?... Господи, эти пьянки, будь они прокляты!»

Мысли одна другой хуже и беспощаднее жалили и терзали душу прораба, сверлили мозг незадачливого гуляки.

«А может, это друзья, Авдеев с Васькиным так пошутили? – еще более мрачная мысль пришла ему в голову. – А что? Напились, сволочи, и решили пошутить. Им же море по колено, этим раздолбаям, им спьяну, что баба, что мужик – все едино!»

Мрачный, шатающийся, точно пьяный еще более вчерашнего, вывалился Жмакин из ванной, в которой провел не менее получаса. Ничего не видя вокруг, одержимый одной только ужасной мыслью о случившемся, Жмакин уселся на кухне и уставился в одну точку.

– Завтракать будешь? – улыбаясь, спросила Маринка.

Жмакин отрицательно помотал головой.

– Даже кофе не будешь?

– Кофе, пожалуй, налей...

Жена налила кипятку, поставила перед ним чашку, пододвинула кофейницу и сахарницу.

Жмакин, все так же, не видя ничего перед собой, сыпанул одну, затем вторую, третью полные ложки кофе, просыпал мимо чашки четвертую, пока его не остановила жена:

– Да ты что, Андрюш? Мимо же сыплешь... И куда тебе столько? С похмелья сердце ведь остановится... И что это с тобой? Что ты с утра такой мрачный? Вроде веселым проснулся...

Жмакин пожевал губами, молча глядя в чашку, и ничего не ответил.

– Неприятности на работе, да? – допытывалась благоверная.

– Угу, – пробурчал он. – Одни только неприятности...

– Премию, наверное, не дали, да? Дом, что ли, вовремя не сдали?

Жмакин поднял голову и посмотрел на жену, прямо ей в глаза. Знает ли она что-нибудь о премии?

Но женщина спокойно выдержала его взгляд. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Как ни в чем не бывало пила она беспечно кофе, и Жмакин успокоился.

– Да нет, премию еще не распределяли, – вяло ответил он. – Просто несчастный случай, задавило одного чудика, ну этих, из провинции... Ну, скандал, само собой без премии останемся точно, а то еще могут фирму лицензии лишить... Придется новую работу искать.

– А-а, вот оно что! На твоём участке, что ли?

– В том-то и дело, – все так вяло ответил Жмакин.

Наступило молчание. Супруги пили кофе.

– Что ты ничего не расскажешь мне про бильярд? Как вчера ты поиграл в него с друзьями? – беспечным тоном поинтересовалась благоверная.

– Нету у меня никаких друзей! – вдруг рявкнул Жмакин и стукнул кулаком по столу.

– Ты чего это, Андрюш? Что это с тобой?

– Пошли все эти друзья к чертовой матери! Нету у меня больше друзей, и не напоминай мне о них! Были – и вышли все!

И Жмакин, поднявшись, вышел из кухни, сильно хлопнув дверью, вымещая на двери свою досаду и горькие, мрачные мысли. В зале он завалился на диван, заложил руки за голову и стал думать свою горькую, мрачную думу.

В зал заглянула жена, спросила тихим голоском:

– В запарк с дочерью пойдешь?

– Не знаю, может, пойду, а может, и не пойду, – сердито отозвался Жмакин. – Со школы придет – видно будет...

Маринка, улыбаясь и внутренне ликуя, торжествуя свою победу, напевая веселый мотивчик, мыла чашки в раковине...

Прошло три месяца. Жмакин уже не шлялся по борделям и не пропивал премии с гулящими девками. И, вдобавок ко всему, отрезал от себя прежних дружков – Васькина и Авдеева. Точно их и не было в его жизни. Каждую пятницу он брал бутылку водки себе и бутылку шампанского Маринке, и они отмечали «святой мужской день» вдвоем, сидя на кухне или в зале за ужином.

Надолго ли перестал – кто его знает!

Пригрели!

Бобков Аркадий Михайлович, среди своих заводчан просто Аркашка, женский баловень, работавший электриком в женском коллективе электроцеха, черноволосый, кудрявый, смазливый малый тридцати шести лет, отправился к себе на металлургический комбинат в ночную смену. Но в ночную смену – это для жены, а на деле он взял отгул и явился ко двору, где жила его постоянная любовница, крановщица прокатного цеха Нинка Прокудина, о свидании с которой он предварительно договорился. Было уже одиннадцать часов вечера, немногим позже того времени, когда он обычно являлся к своей любовнице, если ее муж Григорий, кузнец того же, металлургического комбината, отбывал на работу в ночную смену.

Пройдясь под окнами своей любовницы, жившей на шестом этаже, Бобков посмотрел на три ее окна, выходящие во двор, – свет во всех трех окнах ее квартиры горел. По их условленному сигналу это значило, что муж уже уехал на смену. Бобков еще с пять минут походил по двору, потом посидел на лавочке для верности, положив на колени полиэтиленовый пакет с шампанским и конфетами и ожидая когда отвалит от входной двери в нинкин подъезд две заболтавшиеся бабы.

Но вот бабы разошлись, – одна из них вошла в этот подъезд, а другая потащилась в соседний. Выждав еще некоторое время Бобков подошел к входной двери в подъезд и набрал на табло домофона код нинкиной квартиры. Услышав низкий грубоватый голос своей любовницы: «Кто там?» – Бобков по условленному знаку спросил:

– Извините, это дом двадцать шесть корпус два?

На это ответа не последовало, – Нинка просто нажала кнопку домофона, открыла подъездный замок ипустила любовника в подъезд – как это обычно бывало.

Он поднялся на шестой этаж, – лифтом в целях конспирации Бобков не пользовался, – постоял и только после этого постучал условленным стуком – два обычных стука, а последний – двойной, дробный, – электрический звонок в квартире кузнеца не работал.

Дверь тотчас же отворилась, и любовница пустила своего друга.

– Ты чего так поздно, Аркаш? Он уже давно ушел...

– Пешком к тебе топал, аж задубел весь, автобусов почти час не было...

– Ну, проходи в комнату, я сейчас...

Бобков проследовал в комнату, сел в кресло и сразу же стал открывать шампанское, а его любовница – грудастая, пышнотелая бабенка – прошла в кухню собирать чего-нибудь на стол.

Однако, не прошло и четверти часа, только они устроились каждый в своем кресле у журнального столика, напротив телевизора, не успели даже шампанское по бокалам разлить, как вдруг в дверь застучали. Бобков вопросительно вскинул брови и посмотрел на побледневшую Нинку, у которой округлились глаза.

– Это муж, – со страхом и изумлением прошептала она. – Это он вернулся... С какой бы это стати?

– Откуда ты знаешь?

– Только он так ладошкой в дверь стучит, больше никому... Давай скорее на балкон!

Бобков быстро вскочил с кресла, шагнул к балконной двери, отодвинул портьеру, открыл балконную дверь и вышел на балкон. Нинка сунула открытую бутылку за кресло, мигом убрала в сервант бокалы, смела в руку со стола блестящую обертку от бутылки вместе с пробкой, сунула все это в карман халата, а затем тихонько, на цыпочках, стараясь не скрипнуть половицами, потащила тарелки с закусками обратно в кухню.

В дверь застучали еще нетерпеливее.

Сунув тарелки в холодильник, она также на цыпочках перебралась из кухни в зал, а затем – на балкон, где ожидал ее ошарашенный от такого неожиданного поворота событий любовник.

– Что будем делать? – спросил он.

С мучительным выражением лица, ломая руки, Нинка прошептала:

– Аркашенька, миленький, больше делать нечего, спустись, ради бога, по балкону на нижний этаж, иначе он нас обоих убьет! Он же ревнивый – ужас!

– Да ты что, шутишь? – в изумлении прошептал любовник.

Он глянул вниз и обомлел – если сорвешься, убьешься ведь точно, бесповоротно. И хотя балкон нижнего этажа был рядом и, вытянувшись, можно было, держась руками за балконные прутья, достать ногами до перил нижнего балкона, но он не акробат и не каскадер, чтобы совершать такие трюки.

– А что делать, Аркашенька? Умоляю тебя, миленький, спустись, он же нас просто задушит!

– Не, ну ты даешь! Подстрахуй меня хоть веревкой...

– Да ты что? Какая сейчас веревка! Пока я ее распутаю и сниму, он дверь вышибет...

В железную дверь уже застучали не ладошкой, а кулачищем, и грохот стоял на весь подъезд, а потом несколько раз в дверь пнули ногой, и Бобкову даже послышался из-за дверей басовитый голос кузнеца, исходившего матерными ругательствами.

Бобков понял, что наступила критическая минута не только в его любовных похождениях, но и во всей жизни – теперь либо он убьется сам, либо его убьет кузнец, Нинкин муж – эта здоровенная детина просто сожмет его в своих объятьях и спокойно задушит, так что он даже не пикнет.

– Аркашенька, ну что ты медлишь? Давай быстрей!

– А там ниже кто живет?

– Я даже не знаю! Мы же здесь всего второй год живем, я даже в лицо мало кого знаю...

– На смерть ведь обрекаюсь, Нинк? – тихо прошептал любовник, глядя вниз через перила.

И тут спохватился: – А туфли? Где мои туфли и куртка?

– Лезь давай, сейчас туфли сброшу, а куртку потом заберешь, я ее сейчас спрячу...

– Господи, спаси и сохрани раба божьего Аркадия Бобкова... – крестясь, шептал Бобков.

Хоть и был он неверующим, но перекрестился по обычаю многих, кто идет на дело, полное смертельной опасности – это он часто видел по телевизору в многочисленных сериалах. После этого он перелез осторожно через перила и стал спускаться вниз, держась за прутья и вытягиваясь во весь рост. Несколько секунд он, повиснув над бездной, сучил ногами в поисках опоры, пока, наконец, не нащупал перила нижнего балкона. Благо на нижнем балконе были три бельевых шеста, прикрепленные проволокой к решеткам. Бобков, почувствовав под ногами опору, затем ухватился одной рукой за шест, потом второй рукой за другой шест, спустился ниже, на балконный выступ и вскоре, путаясь в развешенном на балконе белье, благополучно перелез через перила.

Тем временем Нинка сбегала в прихожую за его туфлями и бросила их вниз, обе сразу, но с перепугу сделала это так неловко, что обе туфли, ударившись о шест, не попали на нижний балкон, а... было слышно, как они шлепнулись где-то внизу на асфальт. «О, черт! – ругнулся Бобков. – Новенькие туфли, три с половиной тысячи за них отдал, так и не успел поносить!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.